

ВЛАСТЬ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ

Рустамов Хусан Абдусаломович

Гулистанский государственный университет

Преподаватель кафедры “Общественные науки”

Аннотация. В статье автор рассматривает исторические этапы становления принципов разделения властей в демократических государствах у европейских мыслителей, а также случаи взаимного ограничения полномочий в рамках соответствующих полномочий.

Ключевые слова: гражданское общество, теория общества “позднего модерна”, либерализм, “массовое общество”, “жизненный опыт”, разделение властей.

Среди наиболее значимых современных философских концепций , научно и теоретически обосновывающих конституционное разделение государственной власти и взаимосвязанность гражданского общества, можно выделить неомарксизм (Георг Лукач), либеральную теорию (Л. фон Мизес, Фридрих Хайек), теорию массового общества (Х. Ортега-и-Гассет), теорию менеджериального общества (Й. Бернхем), теорию тоталитарного общества (Юнгер Арендт, Мангейм), теорию развитого индустриального общества Франкфуртской школы (Хоркхаймер и Адорно, Маркузе), теорию информационного общества и постиндустриального общества (Белл, Тоффлер), теорию общества “позднего модерна” (Гидденс), теорию имперского глобализма (Хардт и Негри).

Во второй половине XX века ряд авторов писали о неоднородности процессов “массового общества”. Например, немецкий философ и католический священник итальянского происхождения Романо Гуардини

(1885–1968) отмечает: “В современном мире меняется представление об индивиде, и это тесно связано с существованием гражданского общества; однако с развитием технологий складывается новая социальная структура, в которой индивидуальное творчество, субъектная самостоятельность не могут служить примером для других. Массовый человек, противостоящий индивиду, является примером этого”.

Р.Гуардини в своей работе “Конец новой эры” писал, что политика осуществляет государственную власть и не имеет никакого отношения к человеческому достоинству и счастью. Власть, прежде всего, делает людей зависимыми от самой себя; современные технические системы не допускают существования творческих личностей, которые развиваются сами; злоупотребление властью, в результате, становится не только возможным и возможным, но и неизбежным процессом[1]. Человек становится совершенно беспомощным перед лицом союза техники и власти. Новое поколение техники – это инструмент завоевания мира, господства над природой и людьми.

Джеймс Бернхэм (1905–1987), выдающийся американский философ и политический теоретик В своей работе “Революция управленцев” (1941) знаменитый менеджер утверждал, что за сравнительно короткий период времени управленцы отделились от собственников, и возникло новое общество “управляющих”, новая “социальная группа или класс”, участвующая в “борьбе за социальное господство, власть и привилегии, а также положение правящего класса”.

известного немецкого и американского философа, политика и историка, основоположницы теории тоталитаризма Ханны Арендт (1906–1975), баланс публичного и неформального является ключевой чертой любого общества. Дисбаланс между социально-гражданской и частной сферами меняет нормальный ход человеческой жизни. Открытая и прозрачная публичность, характерная для тоталитарного общества,

ограничивает возможности самовыражения человека в неформальной сфере и формально расширяет границы легитимности .

Наличие власти является необходимым условием активного участия граждан в политической жизни. Отсутствие власти, возникшее под влиянием новейших форм насилия в общественных объединениях и институтах гражданского общества, трактовалось Х.Арендт как единоличная власть одного человека, то есть тираническое правление. Что же такое политическая власть, основанная на сухом насилии и правлении? По мнению Х.Арендт, такая власть “существует везде, где люди участвуют в совместной, скоординированной деятельности”.

По мнению немецкого и британского философа венгерского происхождения и одного из основоположников социологии Карла Мангейма (1893-1947), тоталитарная система, пытаясь подчинить всю духовную и эмоциональную жизнь единой центральной власти, насильно навязывает своему руководству вопрос об организации власти. В эпоху крупных промышленных комплексов отсутствие контроля со стороны общества над формированием общественного мнения оставляет власть в руках нескольких крупных монополистов. Возможности будущих моральных моделей определяются не только экономической, но и политической и социальной структурой общества. Поэтому мы должны изучать, какие формы власти должны существовать, как власть должна распределяться и контролироваться. Наш подход к этим вопросам должен быть реалистичным, то есть не реакционным, не мнимым. [2]

Для К.Мангейма существующая идеология — это восприятие социальной реальности, основанное на предположениях, выражающее интересы определённой группы или класса, находящегося у власти и стремящегося сохранить существующий порядок; она состоит из “ложного знания”, лжи и самообмана . Когда речь идёт о будущих изменениях, К. Мангейм ссылается на смену поколений, то есть на “опыт жизни”,

характерный для советских людей. Он считает, что наиболее желанным изменением является приход нового поколения бывших коммунистических граждан, свободных от влияния коммунизма.

В целом, консервативные революционные теоретики Для национализма характерны самостоятельное развитие собственной страны, установление “нового порядка”, интерес к древней истории, идея справедливого общества, основанного на принципе солидарности (демократического или иерархического), сочетание элементов прошлого и традиций с современными техническими идеями. Кроме того, как отмечает известный политик и литературный критик, бывший сотрудник Гарвардского университета Андреас Умланд, “даже поверхностное изучение консерватизма в разных странах или разных культурах, сравнение основных идей консерваторов XIX и XX веков в Великобритании, Германии и России свидетельствует о разных подходах к таким важным социальным вопросам, как собственность, разделение властей, индивидуальная свобода, вмешательство государства в общественную жизнь, критерии гражданства”.

Известный британский социолог, представитель «позднего модерна» Представитель теории Энтони Гидденса (род. 1938) подверг критике марксистскую теорию изменения социально-экономической системы мировоззрения, которая не включала неевропейские культуры, и в которой военная и политическая власть рассматривались как средство накопления богатства, а не достижения определённого результата. Для Э. Гидденса власть — это социальная структура, которая напрямую влияет на каждое человеческое действие. В будущем важную роль будут играть “договорная демократия” и “демократизация демократии”, где не допускаются насилие и приказы со стороны властей[3].

Э. Гидденс утверждает, что необходима реорганизация гражданского общества, которое в его нынешнем виде аккумулирует капитал за счёт механизмов цен, доходов и труда, а также инвестиций на товарном рынке.

Гражданское общество включает в себя области общественной жизни, свободные от экономики и политики – “третий сектор” или “сектор добровольных объединений”. Реальная политика предполагает налаживание активного взаимодействия между институтами власти, гражданского общества и экономического сектора и их равноправие [4].

По мнению известного американского аналитика, эксперта по международным отношениям, редактора еженедельника “Newsweek International” Фарида Закарии, ценности современного западного мира таковы, что “демократия часто является “Она берет свое начало не от греческой традиции, которая часто предусматривала подчинение общины власти народа, а от римского права, которое обеспечивало “равенство всех граждан перед законом”. “Римская республика с ее разделением властей, выборностью должностных лиц на ограниченный срок и равенством перед законом, — пишет Ф. Захариас, — послужила образцом для организации Американской республики”[5].

На протяжении почти столетия под демократией на Западе понималась либеральная демократия – политическая система, воплощающая не только свободные и справедливые выборы, но и верховенство закона, разделение властей и защиту основных свобод, таких как свобода слова, собраний, вероисповедания и собственности, пишет Ф. Закария[6]. Продуктом промежуточного развития является гибридная, искусственная демократия, в которой демократические институты существуют, но служат не для обновления, а для сохранения власти правящей группы. Ф. Закария называет такие режимы “нелиберальной демократией”.

Как известно, Вестминстерская система (демократическая парламентская система правления, основанная на принципах британской модели правления) имеет 9 отличительных черт (глава государства лишь номинально; глава правительства должен иметь большинство в парламенте;

как лидер сил, формирующих правительство ; правительство с большинством в парламенте; двухпалатный парламент; парламентская оппозиция; право нижней палаты распускать правительство; возможность роспуска парламента; депутатский иммунитет; письменные резолюции). В настоящее время эта система используется в 32 странах, включая Австралию, Канаду, Индию, Ирландию, Израиль, Малайзию, Новую Зеландию, Пакистан, Сингапур, Таиланд и Великобританию.

Система управления ЕС намеренно не следует принципу разделения властей на законодательную и исполнительную. Законодательная власть принадлежит Европейскому совету (высшему политическому органу ЕС, состоящему из правительств и глав государств-членов) и Европейскому парламенту (выполняющему три важные функции: принятие законов, решение бюджетных вопросов и надзор за Европейской комиссией), а исполнительная — Европейской комиссии (высшему органу исполнительной власти ЕС) и Совету Европейского союза . Поэтому неясно, кто несет ответственность за принимаемые решения.

В этом месте коснемся также вопроса применения зарубежных стандартов к современной практике государственного строительства. Знаменитая доктрина *Шарля-Луи Монтескье* о разделении властей , как заметил один из глав государств, “не является жёсткой, а имеет руководящий характер”[7] . Однако изучение опыта развитых стран, стран, внедривших демократию, является важным направлением совершенствования системы власти, состоящей из трёх ветвей.

По нашему мнению, рассматриваемым странам следует сосредоточиться на развитии “низовых ветвей” представительных органов власти и постепенном переводе трёхветвевой системы власти на муниципальный уровень (в этом плане , на наш взгляд , более полезен опыт Германии). Другим направлением является чёткое определение функциональных обязанностей структур, не входящих ни в одну из

основных ветвей власти (прокуратура , Центральный банк , Центральная избирательная комиссия, Счётная палата, Омбудсмен, Аппарат Президента , Совет национальной безопасности и т.д.) (положительный опыт США). В этой сфере существует ряд других проблем.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ССЫЛКИ

1. Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С.144.
2. Мангейм К. Время диагностики. — М.: Юрист, 1994.
3. Гидденс А. Центральные проблемы социальной теории: действие, структура и противоречие в социальном анализе.- Лондон: Macmillan.- 1988.- С. 53-94.
4. Гидденс А. За пределами левого и правого — будущее радикальной политики. – Кембридж: Polity, 1994.
5. Закария Ф. Будущее свободы. Нелиберальная демократия дома и за рубежом. – Нью-Йорк: WW Norton & Co., 2003. – С. 32.
6. Закария Ф. Расцвет нелиберальной демократии // Foreign Affairs. - 1997. - Т. 76. - № 6. - Ноябрь/декабрь. - RR.22-43
7. Назарбаев Н. Конституция – основа стабильности и процветания Казахстана. 30 августа 2000 г. // [www . chord see](http://www.chord.see)